

А.Э. ШМИДТ
БИОГРАФИЯ, НАУЧНАЯ
ПЕРЕПИСКА, ИЗБРАННЫЕ
ТРУДЫ, БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 930(47+57)(092) + 008(5-011)
ББК 63.3(533) + 71.1
Ш73

*Издание подготовлено при поддержке
Фонда исследований исламской культуры*

Научный редактор: Р.Н. Шигабдинов, к.и.н., ст. науч. сотр. Института истории при Национальном университете Узбекистана им. М. Улутбека

Научные рецензенты: Е.Н. Груздева, к.и.н., зав. отделом
Санкт-Петербургского филиала Архива РАН;

И.Л. Лилеев, к. полит. н., ст. науч. сотр. Института Африки РАН

А.Э. Шмидт: биография, научная переписка, избранные труды, библиография:
Ш73 монография / автор-сост. Р.И. Беккин. – М.: ООО «Садра», 2018. – 504 с. – (Российское востоковедение).

ISBN 978-5-906859-04-4

12+

Монография посвящена деятельности российского востоковеда А.Э. Шмидта (1871–1939). Учителями Шмидта были барон В.Р. Розен, И. Гольдциер, М. де Гуэ, Й. фон Карабачек и другие выдающиеся специалисты по мусульманскому Востоку. Учениками Шмидта себя считали И.Ю. Крачковский, А.Н. Самойлович, В.И. Беляев, П.П. Иванов, Е.М. Пещерева и др. Книгу открывает научная биография А.Э. Шмидта, специально подготовленная для данного издания. В книге представлены уникальные материалы из государственных и частных архивов Санкт-Петербурга, Москвы, Ташкента. Издание адресовано всем, кто интересуется историей российского – советского востоковедения в целом и исламоведения в частности.

На обложке:
А.Э. Шмидт. Ташкент,
1925 г. (Из фондов
СПбФ АРАН)

УДК 930(47+57)(092) + 008(5-011)
ББК 63.3(533) + 71.1

ISBN 978-5-906859-04-4

- © Фонд исследований исламской культуры, 2018
- © ООО «Садра», 2018
- © Беккин Р.И., текст (Жизнеописание Александра Эдуардовича фон Шмидта, магистра арабской словесности; Кафедра исламоведения Петроградского университета (Об одной малоизвестной странице из биографии А.Э. Шмидта)), составление, 2018
- © Шигабдинов Р.Н., текст (А.Э. Шмидт и Коран Османа: возвращение мусульманской святости в контексте политики, науки и религии), 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия (Р.И. Беккин)7

**ЖИЗНЕОПИСАНИЕ АЛЕКСАНДРА ЭДУАРДОВИЧА
ФОН ШМИДТА, МАГИСТРА АРАБСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ**
(Р.И. Беккин) 15

**НЕКОТОРЫЕ МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ЭПИЗОДЫ
ИЗ БИОГРАФИИ А.Э. ШМИДТА**235
Кафедра исламоведения Петроградского
университета (Об одной малоизвестной странице
из биографии А.Э. Шмидта) (Р.И. Беккин)235

А.Э. Шмидт и Коран ‘Усмана:
возвращение мусульманской святыни
в контексте политики, науки и религии
(Р.Н. Шигабдинов)247

НАУЧНАЯ ПЕРЕПИСКА А.Э. ШМИДТА266

От составителя266

Избранные письма А.Э. Шмидта
к В.Р. Розену (1895–1897; 1900–1906)269

Письма А.Э. Шмидта к А.Н. Самойловичу
(1922–1935)303

ИЗБРАННЫЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ А.Э. ШМИДТА345

Идеал мусульманского правителя-наместника
IX века (=III века Хиджры)
(Послание Тахира ибн ал-Хусейна
к сыну своему ‘Абдаллаху ибн Тахиру)345

Шариат и право водопользования в Средней Азии	369
Из истории суннитско-шиитских отношений	383
Арабские надписи мавзолея шейха Абу Саида Мейхенейского в Меане	440
Шрутель-Ислам. Сущность догматического и нравственного вероучения мусульман с кратким объяснением богослужения и религиозных обрядов. В 4-х ч. Собрано и обработано Магомед-Беком-Хад- жетлаше. (Рецензия)	468
СПИСОК ТРУДОВ А.Э. ШМИДТА (Сост. Р.И. Беккин)	476
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	492
СОКРАЩЕНИЯ	501

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Летом 2010 г. мне позвонили из Казанского университета и пригласили приехать. Из телефонного разговора ничего нельзя было понять. Я собрался и отправился в Казань.

Недавно назначенный ректор предложил мне возглавить кафедру. Когда я спросил, как она называется, оказалось, что у нее нет названия. Да и самой кафедры тогда еще не существовало. Ее только предстояло создать...

Название я сформулировал сразу: кафедра исламоведения. Но прошло несколько месяцев, прежде чем мне, человеку чужому в Казани, удалось собрать группу единомышленников и открыть с ними кафедру регионоведения и исламоведения. Слово «регионоведение» пришлось добавить для компромисса, иначе кафедру ни за что не утвердили бы на ученом совете университета. Случилось это 23 декабря 2010 г. Появление нашей кафедры было событием экстраординарным, потому что другой такой кафедры в России тогда не существовало и до сих пор не существует.

Чуть позднее я узнал, что мы все же не были первыми. В России почти сто лет назад уже имелась кафедра исламоведения. В книге «Невольник долга» Анны Аркадьевны Долининой я наткнулся на фразу: «Осенью 1918 года Н.Я. Марр поднял вопрос об учреждении кафедры исламоведения – специально, чтобы предоставить Крачковскому профессорскую должность»¹. Я обратился за разъяснением к Анне Аркадьевне. Но она, к сожалению, не смогла рассказать мне подробнее об истории этой кафедры.

¹ Долинина А.А. Невольник долга: [Биограф. И.Ю. Крачковского]. – СПб., 1994. – С. 152–153.

Я начал искать информацию. Работа в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга привела к долгожданной находке. Мне удалось обнаружить решение (единогласное!) Совета Петроградского университета о создании кафедры, принятое 18 ноября 1918 г., и пояснительную записку, составленную несколькими днями ранее. Автором записки был Александр Эдуардович Шмидт. Дата рождения кафедры была установлена, но что было дальше? Об этом архивные документы, касающиеся факультета восточных языков Петроградского университета, на котором была создана кафедра, молчали.

8

Я поднял все доступные мне источники, связанные с деятельностью Шмидта, но ни в одном из них ни слова не говорилось об интересовавшей меня кафедре. Только в «Записке об ученых трудах проф. А.Э. Шмидта», подготовленной И.Ю. Крачковским, В.В. Бартольдом и С.Ф. Ольденбургом в связи с выдвижением Шмидта для избрания в члены-корреспонденты АН СССР, говорилось следующее: «Осуществление получила эта идея (создания кафедры исламоведения. – Р.Б.), к сожалению, слишком поздно – в 1919 г.¹, и уже через два года, в 1921 г., с новой реформой Университета кафедра была ликвидирована»².

Эта фраза не только не удовлетворила мое любопытство, но, напротив, лишь подогрела его: ведь в то же самое время в Казанском университете проводились «реформы», которые грозили уничтожением нашей кафедры исламоведения. Мне было важно знать, как относился ко всем этим преобразованиям Шмидт, хотелось найти ответы на вопросы, которые волновали меня самого.

¹ Ошибка. Кафедра, как было отмечено выше, была учреждена в 1918 г.

² Крачковский И., Бартольд В., Ольденбург С. Записка об ученых трудах проф. А.Э. Шмидта // Известия Академии наук СССР: Сер. 6. – 1925. – Т. 19. – С. 893.

Р.И. Беккин

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ АЛЕКСАНДРА ЭДУАРДОВИЧА ФОН ШМИДТА, МАГИСТРА АРАБСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

«Я более, чем кто-либо знаю
и понимаю, сколь скромны мои заслу-
ги перед наукой, если они вообще есть.
Многое, многое хотелось сделать, мно-
гое и можно было бы сделать, если бы
жизнь сложилась несколько иначе...»

(А.Э. Шмидт)

Детство в Тифлисе

Популярная теория говорит: место, где человек родился или где протекало его детство, оказывает значительное влияние на всю его будущность. Если принять на веру это утверждение, то в таком случае следует согласиться с тем, что судьба Александра Эдуардовича Шмидта была предопределена.

Представитель дворянского рода из Лифляндии Александр Герман фон Шмидт появился на свет в одном из самых пестрых по этническому и конфессиональному составу городов в Российской империи – Астрахани 12 (24) марта 1871 г. В Астрахани исстари проживали вместе русские, татары, армяне, персы, бухарцы, индийцы, евреи и др. Мусульмане – представители разных национальностей и последователи различных течений в исламе – составляли около 15% населения города.

Была в Астрахани и Немецкая слобода. Она граничила с Персидской и Армянской слободами за Варвациевым каналом. Здесь же, в районе, именуемом Махалля, располагалась Татарская слобода. Семья Шмидтов по отцовской линии принадлежала к дво-

рянскому роду из обрусевших немцев и, возможно, после своего прибытия в Астрахань обосновалась в Немецкой слободе. Александр был крещен по евангелическо-лютеранскому обряду в деревянной кирхе на углу Кирочной и Крестовой улиц, сооруженной еще в середине XVIII в.

Отец Александра – статский советник и кавалер, доктор медицины Эдуард Егорович фон Шмидт (1832–1904), сын лютеранского пастора, – служил военным врачом в Астраханском казачьем конном полку, а также исправлял должность ординатора Астраханского военного госпиталя¹. Мать – Вера Мария Луиза (ум. 1925), – также принадлежавшая к дворянскому роду остзейских немцев, имела в девичестве фамилию фон Байер².

16

В августе 1877 г. во время Русско-турецкой войны Эдуард Егорович был назначен главным врачом Кавказского военного временного № 53 госпиталя³. Шмидты переехали в Тифлис осенью того же года. В конце XIX столетия Тифлис был главным мусульманским городом в Закавказье. Здесь в 1872 г. были учреждены целых два Закавказских Магометанских Духовных Правления: суннитского и шиитского учения. В юрисдикцию последнего входили, в том числе, шииты, проживавшие на территории современного Азербайджана. Впрочем, в Тифлисе хватало и своих шиитов: персов и азербайджанцев, или, как их тогда называли, азербайджанских татар.

¹ Послужной список Главного врача Владикавказского военного госпиталя д-ра медицины, статского советника фон Шмидт // ЦГА РСО-А. Ф. 238. Оп. 1. Д. 46. Л. 1об. – 2об.

² Дело Альбрехта Эдуардовича фон Шмидта (1889–1890) // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 27292. Л. 6.

³ Послужной список Главного врача Владикавказского военного госпиталя д-ра медицины, статского советника фон Шмидт // ЦГА РСО-А. Ф. 238. Оп. 1. Д. 46. Л. 5об. – 6.

По разнородности его обитателей Тифлис ничуть не уступал Астрахани. Побывавший здесь в 1895 г. профессор медицины Э. фон Лейден (1832–1910) утверждал, что жители города говорят на 40 языках¹. Известный ботаник А.Н. Бекетов (1825–1902) сравнивал Тифлис середины 1850-х гг. с Калькуттой и Каиром: «Майдан и армянский базар, с выходящими из них переулками и темными рядами, всего более характеризуют его, как азиатский город, не говоря об Авлабаре, представляющем нечто вроде Калькутты или Каира. Майдан, или татарский базар, есть тесная площадь, постоянно набитая народом. Если смотреть на нее с обрывистого, каменистого Сололакского хребта, ограничивающего город с юга, то, кроме голов человеческих, лошадиных, буйволовых, бычачьих, ослиных и даже верблюжьих, почти ничего не видно. Зловонные испарения поднимаются над Майданом густою тучею; грязь редко высыхает. Тут представители разнообразного населения Тифлиса: татары, в рыжеватых шапках и бурках, с черными, седыми, красными и белыми бородами²; дородные армяне, с наклонными шеями, в чистых чухах и московских картузах; молодеватые грузины, перетянутые, часто засаленные и оборванные, с шапками, заломленными набекрень; кабардинцы, дико смотрящие исподлобья и продающие оружие и бурки; мулла в белой чалме; персияне с красными ногтями, в аршинных шапках и широких кафтанах, или абах своих; на ногах у них пестрые носки и маленькие туфли, надетые на одни только пальцы...»³.

Город сильно преобразился при кавказском наместнике М.С. Воронцове в 1840–1850-е гг. Но и два-

¹ Профессор Лейден о южно-русских курортах // Черноморский вестник. – Батум, 1895. – № 17. – 20 июля. – С. 3.

² Здесь, по-видимому, имеются в виду азербайджанцы.

³ Бекетов А.Н. Из жизни природы и людей // Наше наследие. – 2005. – № 75–76. – С. 86–101.

дцать лет спустя, когда семейство Шмидтов перебралось в Тифлис, от прежнего восточного города еще оставалось немало приметных следов.

В таких условиях можно было либо возненавидеть Восток, либо влюбиться в него без памяти. С Сашей Шмидтом случилось второе. От тех давно минувших лет сохранилась история о приключениях маленького Шмидта, которая дошла до нас в пересказе востоковеда Веры Александровны Крачковской. «Александр Эдуардович рос вместе с братом¹, оба были здоровые, веселые шалуны. Про одну проделку А.Э. рассказал нам. Однажды братья купили на базаре большой арбуз, выбрались с ним на окраину города, где зигзагами поднимается Каджарское шоссе, там арбуз разрезали пополам и съели мякоть. В это время снизу от города стал подниматься по шоссе горец верхом на осле. Один из шалунов дождался, когда всадник окажется возле них, свесился над обрывом и умудрился надеть полую корку на голову ездока. Тот, естественно, обозлился и пустился в погоню за оскорбителями, крича: «Зарежем как барашки!»². К счастью, оскорбленному горцу не удалось осуществить свою угрозу.

18

Вскоре у Саши Шмидта появилась возможность еще лучше познакомиться с характером и привычками местных жителей. В 1878 г. он был зачислен в Пер-

¹ Старший брат Александра Эдуардовича – Альбрехт – родился 22 июня (4 июля) 1868 г. Прослушал неполные курсы в Дерптском, Санкт-Петербургском, Новороссийском университетах. В 1918 г. эмигрировал. В середине 1930-х гг. проживал в Риге. Дальнейшая судьба неизвестна. У Шмидта была также старшая сестра Адель, которая родилась в 1861 или 1862 г. С 1895 г. она проживала в г. Штутгарте, оставшись в Германии после окончания Дрезденской академии художеств. Скончалась Адель не ранее 1936 г. (Личное дело А.Э. Шмидта // АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 680).

² Крачковская В.А. Несколько слов об А.Э. Шмидте // *Абу Йусуф Й'акуб б. Ибрахим ал-Куфи. Китаб ал-Харадж / Пер. с араб. и коммент. А.Э. Шмидта; супракоммент. к пер. А.С. Боголюбова; подгот. к изд., вступ. ст. и указ. А.А. Хисматулина.* – СПб., 2001. – С. XIX–XX.

вую Тифлисскую классическую гимназию. Гимназия была основана в 1804 г. как Благородное училище для обучения российскому и грузинскому языкам.

В начале 1880-х гг. в гимназии обучалось более 700 мальчиков (гимназия была мужская). Среди учеников преобладали армяне, грузины и представители разных мусульманских народов. Такой многонациональный состав учащихся предъявлял повышенные требования как к руководству гимназией, так и к ее педагогам: «Легче управиться с 3-мя обыкновенными русскими гимназиями, чем с этим столпотворением вавилонским, где нужно примениться к потребностям и свойствам десятка разных враждебных народностей, ко всем этим армянам, грузинам, татарам, лезгинам, осетинам, черкесам, евреям, полякам, русским и пр. и пр.»¹. Очевидно, что для пытливого ума гимназия давала возможность не только познакомиться с основами некоторых местных языков, но и научиться сносно говорить на них. Но общим для всех был, конечно, русский язык, которым выпускники гимназии владели в совершенстве. Гимназия стала кузницей кадров не только для Закавказского края, но и для всей России. Выпускниками гимназии в разные годы были Н.М. Бараташвили, С.Ю. Витте, В.И. Немирович-Данченко, И.Г. Чавчавадзе и др. Некоторое время (в 1901–1903 гг.) здесь обучался Н.С. Гумилев.

Из тех выпускников Первой Тифлисской гимназии, кто оставил свой след в истории, в одно время со Шмидтом учились Л.Н. Андроников (1872–1939), основатель юридического факультета Тбилисского университета, отец литературоведа И.Л. Андроникова; В.А. Степанов (1872–1920), депутат Государственной Думы, впоследствии – деятель Белого движения; И.Н. Атабеков (1870–1916), армянский марксист, корреспон-

¹ Марков Е.Л. Очерки Кавказа: Картины кавказской жизни, природы и истории. – СПб.; М., 1887. – С. 426.

дент Ф. Энгельса; А.-б. Топчибашев (1863–1934), один из лидеров мусульманского движения в Российской империи и основателей Азербайджанской Демократической Республики (1918–1920) и др.

Но у нас, к сожалению, нет никаких сведений, которые могли бы подтвердить факт личного знакомства кого-либо из этих людей со Шмидтом ни в 1880-е гг., ни позднее. Судя по всему, интроверт Саша вполне довольствовался обществом своего старшего брата Альбрехта.

Уже на склоне лет Шмидт нередко вспоминал Тифлис и даже подумывал вернуться туда, чтобы провести там остаток дней¹.

«Был я тогда еще очень юн и незрел» (Учеба в Петербургском университете)

20

В 1889 г., окончив Первую Тифлисскую гимназию с золотой медалью, Шмидт приезжает в Петербург. Поначалу он поступает на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. Но ровно через год, осенью 1890 г., Александр переводится на арабо-персидско-турецко-татарский разряд факультета восточных языков (ФВЯ) того же университета². Кто посоветовал молодому Шмидту переменить судьбу, мы не знаем, но этот человек, безусловно, оказал российскому востоковедению неоценимую услугу.

Конец XIX – начало XX в. был одним из лучших периодов в истории факультета восточных языков. Здесь

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 193об. См. также: «...страшно тянет на родину, на Кавказ, по которым прямо-таки болезненно тоскую! Хочется на старости лет опять туда, да только это не так просто» (Письма А.Э. Шмидта к А.Н. Самойловичу // ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 29).

² Об оставлении при университете А.Э. Шмидта (1894) // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 897. Л. 117.

преподавали такие легендарные личности, как И.Н. Березин (1818–1896), К.Г. Залеман (1849–1916), Н.И. Веселовский (1848–1918), В.Д. Смирнов (1846–1922), В.Р. Розен (1849–1908) и др. С работами некоторых из участников этой «могучей кучки» Шмидт познакомился еще в богатой гимназической библиотеке в Тифлисе.

Желавшие поступить на факультет восточных языков не всегда хорошо представляли свое будущее по окончании университета. Когда ФВЯ еще только формировался, его первый декан А.К. Казем-бек (1802–1870) рассматривал его как сугубо практическое заведение, призванное готовить государственных чиновников, владеющих восточными языками: «назначение... факультета чисто практическое... приготовление молодых людей для службы по ведомству иностранных дел, военному и другим... Ученая цель должна занимать... факультет настолько, насколько это необходимо для приготовления нужных для него преподавателей...»¹. Однако уже при следующем декане – А.О. Мухлинском (1859–1866), – вектор развития факультета был изменен и больше внимания стало уделяться чисто научным исследованиям.

Окончательно академическое направление взяло верх над «сугубо практическим» при декане В.В. Григорьеве (1874–1878)². У студентов, в зависимости от того, какую профессию в будущем они для себя наметили, существовала возможность выбрать во время обуче-

¹ Цит. по: Кононов А.Н. Восточный факультет Ленинградского университета // Востокведение в Ленинградском университете. – Л., 1960. – С. 13.

² «Личной собственностью Григорьева можно признать, по-видимому, те политические соображения, которые приведены в пользу учреждения кафедры в проекте 1837 г.: “лучшее средство противодействовать влиянию Запада – это опереться на изучение Востока”, так как “распространение и усиление в России восточных занятий” сделает “горизонт наших сведений и соображений шире, чем у мыслителей и деятелей Западной Европы”» (Бартольд В.В. Н.И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки // Бартольд В.В. Сочинения в 9 т. Т. 9. – М., 1977. – С. 649).

ния некоторые специальные дисциплины¹. Таким образом, не нарушая интересов государства, нуждавшегося в грамотных специалистах по Востоку, факультет восточных языков в то же время создавал условия для тех, кто хотел посвятить себя научной работе.

Ученик Григорьева В.Р. Розен, ставший в 1893 г. деканом, в целом продолжал политику развития факультета как кузницы научных кадров. Вместе с тем он не возражал и против дальнейшей дипломатической карьеры поступавших на факультет². Благодаря знакомствам, Розен устраивал своих учеников в Министерство иностранных дел через начальника ученого отделения Азиатского департамента М.А. Гамазова и в Министерство финансов через Д.Ф. Кобеко³.

22

Но при этом большей благосклонностью со стороны Виктора Романовича пользовались те, кто пришел на факультет ради занятий наукой. Характерным является воспоминание И.Ю. Крачковского о его первой встрече с Розеном: «Я увидел за длинным столом в клубах табачного дыма одного только невысокого полного старика в форменном сюртуке Министерства Народного Просвещения, совершенно седого, несмотря на свои 52 года, как выяснилось позже... “Вы зачем поступаете на восточный факультет? В дипломаты захотелось? Белые штаны нравятся?” Совершенно растерявшись от резкого тона неожиданного вопроса, я наивно пролепетал: “Нет, я хочу остаться при университете”. Говоривший с любопытством посмотрел на меня и прежним тоном продолжал: “Ну, это мы еще

¹ *Бартольд В.В.* К проекту восточного института // *Бартольд В.В.* Сочинения в 9 т. Т. 9. – М., 1977. – С. 500.

² Некоторые ученики Розена, избравшие дипломатическую карьеру, не оставляли занятий наукой. В качестве яркого примера можно привести А.Ф. Шелбунина, автора палеографического исследования Корана ‘Усмана (1891).

³ *Веселовский Н.И.* Барон Виктор Романович Розен: Некролог. – СПб., 1908. – С. 21.

увидим: для этого надо способности иметь. А у вас, верно, по древним языкам в гимназии тройки были!». Обиженный в своих лучших чувствах, я несколько смелее, но все же робко промолвил, что кончил гимназию с золотой медалью. Строгий декан, по-видимому, несколько смягчившись, но все еще не меняя тона, спросил: “А как у вас дело с новыми языками?” Я ответил, что читаю по-французски и по-немецки, но не говорю. – “Болтать и не надо, это нужно для дипломатов, а нам важно пользоваться пособиями. Непременно еще займитесь английским”»¹. Нельзя исключать, что похожий разговор мог состояться у Розена и со Шмидтом. Впрочем, кроткий Александр Эдуардович мало походил на человека, мечтающего о белых штанах.

О студенческих годах Шмидта нам известно крайне мало. Среди его преподавателей были Н.И. Веселовский, В.Р. Розен, Н.А. Медников и др. В Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки сохранился конспект лекций по истории Востока профессора Николая Ивановича Веселовского, сделанный А.Э. Шмидтом в 1893 г.² Это один из ранних известных нам автографов Александра Эдуардовича. Друг и кол-

¹ Из воспоминаний ученика о бароне Розене (1938–1940) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 294. Л. 36–37 // цит. по: *Долинина А.А.* Невольник долга: [Биограф. И.Ю. Крачковского]. – СПб., 1994. – С. 31. Попытка отсеять случайных людей на факультете была осознанной стратегией Розена, и она давала свои результаты. Это подтверждают свидетельства других студентов Розена: «Когда я выслушивал на первой лекции из уст еще молодого Виктора Романовича увещания к аудитории не увлекаться восточным факультетом и советы лучше оставить его, перейдя на другие факультеты, в виду тех трудностей, которые ожидают студентов, мне стало ясным, что передо мною профессор, который хочет действительно иметь у себя работающую аудиторию, которому совершенно не все равно, кто будет сидеть у него на лекциях» (*Васильев А.* Барон Виктор Романович Розен. Некролог // *Византийский Временник.* – 1907. – Т. XIV, Вып. 2–3. – С. 485).

² История Востока. Лекции, читанные профессором Санкт-Петербургского Университета Н.И. Веселовским // ОР РНБ. Ф. 359 (Колобов). Д. 572.

лега Шмидта И.Ю. Крачковский дал следующую характеристику Веселовскому: «Кафедру истории Востока в то время занимал Н.И. Веселовский, известный как археолог, специализирующийся на истории первобытного общества. Он читал общий обязательный курс “Обзор путешествий в Азию”, в котором ничего не менялось годами и десятилетиями. Все его лекции шли достаточно однообразно, материал излагался обстоятельно и медлительно. Эти лекции успехом у студентов не пользовались, и посещали они их по очереди»¹.

Другим преподавателем Шмидта был Николай Александрович Медников (1855–1918). Предоставим вновь слово И.Ю. Крачковскому, которому также довелось слушать лекции Медникова. По свидетельству Игнатия Юлиановича, студенты «ничего выдающегося в нем (Медникове. – Р.Б.) не видели. Это был очень хороший преподаватель классического арабского языка, который действительно артистически переводил и поражал нас своими переводами, но дальше этого его интересы не шли. Поэтому, когда кто-нибудь из студентов обращался к нему после занятий с каким-нибудь вопросом, то этот вопрос вызывал удивление Н.А. и он совершенно откровенно говорил: зачем вам это? Поэтому мы его никогда не спрашивали»².

Студенты факультета, которые ограничивались посещением лекций, едва ли могли рассчитывать на глубокие знания по изучаемым дисциплинам. Настоящая работа для студентов факультета восточных языков начиналась вечером, когда они приходили на кварти-

¹ Долинина А.А. Невольник долга: [Биогр. И.Ю. Крачковского]. – СПб., 1994. – С. 32–33.

² Выдающиеся историки Востока (по личным воспоминаниям) (1944) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 305. Л. 17 // цит. по: Долинина А.А. Невольник долга: [Биогр. И.Ю. Крачковского]. – СПб., 1994. – С. 35. Его лекции сводились в большинстве случаев к разбору тех или иных памятников с очень краткими обыкновенно введениями (Крачковский И.Ю. Памяти Н.А. Медникова // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. – М.; Л., 1958. – Т. V. – С. 207).

ры своих профессоров и занимались с ними изучением рукописей. Такие занятия проводили, например, В.В. Радлов¹ и В.Р. Розен.

Добившийся всего своим собственным трудом, Виктор Романович ценил в учениках трудолюбие и упорство, без которого, по его мнению, не было бы настоящего арабиста. По меткому замечанию Крачковского, Розен был «из тех баронов, которые никогда не имели ни замков, ни имений, ни состояния, а с университетской скамьи всегда жили своим трудом и своим заработком, иногда очень тяжелым»².

На 3-м курсе В.Р. Розен обратил внимание на талантливого студента Шмидта. К счастью, незадолго до своей смерти Александр Эдуардович успел подготовить для сборника памяти барона Розена³ небольшие воспоминания. Это свидетельство ценно не только по той причине, что является важным дополнением к биографии Шмидта, но и потому, что достаточно подробно раскрывает методы работы Розена с его учениками: «Не менее одного раза в неделю приходилось мне с той поры бывать у В.Р. на дому вечерами для чтения под его руководством памятников соответствующих областей арабской литературы, знакомство с которыми он счел для меня необходимыми тогда же, до приступа к более специальным занятиям какой-либо конкретной проблемой, годной в качестве темы для магистерской диссертации. Помню, читали мы с ним на первых порах ал-Газали, его “Оживление религиозных наук”, его “Избавителя от заблуждений”, ту своеобразную

¹ Александр Николаевич Самойлович: научная переписка: биография / Сост., авт. ст. и биогр. Г.Ф. Благова. – М., 2008. – С. 34.

² Из воспоминаний ученика о бароне Розене (1938–1940) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 294. Л. 73об. // цит. по: *Долинина А.А.* Невольник долга: [Биогр. И.Ю. Крачковского]. – СПб., 1994. – С. 36.

³ Книга со статьей Шмидта была опубликована уже после его смерти: Памяти академика В.Р. Розена: Статьи и материалы к 40-летию со дня его смерти (1908–1948) / Под ред. И.Ю. Крачковского. – М.; Л., 1947.

мусульманскую параллель к исповеди (*Confessiones*) блаженного Августина, и некоторые другие мелкие трактаты... а равно ряд сочинений арабских грамматиков и лексикологов... Не раз, закончив чтение намеченного на данный день материала, я до поздних часов засиживался в накуренном кабинете В.Р., который с неизменной своей папиросой-самокруткой сидел в качалке и вел со мной беседы не только на темы наших специальных занятий, но и вообще, так сказать, обо всем, *de omni re scibili et quibusdam aliis*¹, незаметно для меня расширяя мой научный горизонт»².

26

Занятия проходили обычно по вторникам в том самом кабинете, где впоследствии, уже в квартире И.Ю. и В.А. Крачковских, располагалась столовая. Несмотря на демократизм барона, Шмидт всякий раз, когда приходил к Виктору Романовичу, испытывал что-то вроде оцепенения: «...был я тогда еще очень юн и незрел, да к тому же исключительной застенчивости, т. что я стеснялся обращаться к барону с многими волновавшими и занимавшими меня вопросами. Эта застенчивость (кто теперь поверит, что она у меня была?!) помешала мне вполне использовать свои знания с покойным шейхом, когда уже был магистрантом. Я просто сгорал от застенчивости, какую пытался заглушить глубокими затяжками из тех папирос-пушек, которые В.Р. держал на круглом столе перед диваном для своих гостей»³.

Помимо застенчивости Шмидт обладал еще одним свойством, не всегда помогавшим ему в отношениях с людьми: наивностью. Эта черта служила

¹ Обо всех вещах и (еще) о некоторых других (лат.).

² Шмидт А.Э. Памяти незабвенного учителя (В.Р. Розена) // Памяти академика В.Р. Розена: Статьи и материалы к 40-летию со дня его смерти (1908–1948) / Под ред. И.Ю. Крачковского. – М.; Л., 1947. – С. 13–14.

³ Письма А.Э. Шмидта к В.И. Беляеву // АВ ИВР РАН. Ф. 141. Оп. 3. Д. 383. Л. 28об.–29.

предметом доброй иронии со стороны Розена. В одном из писем к В.В. Бартольд у он называет Шмидта «взрослым младенцем»¹.

Однако два таких несомненных достоинства Александра Эдуардовича, как усердие и любознательность, позволили ему добиться блестящих результатов. В 1894 г. он окончил университет с дипломом 1-й степени.

Вместе со Шмидтом в том году факультет окончил еще 21 человек. Многие из них выбрали дипломатическую карьеру (князь Б.Н. Шаховской; П.Г. Тидеман; П.Е. Богоявленский; Н.Г. Поппе (отец известного лингвиста и этнографа Н.Н. Поппе) и др.). Некоторым при этом удавалось совмещать работу дипломата с научными изысканиями, – как, например, Китаеву и маньчжуристу Н.Н. Кроткову (1869–1919). Академическая и преподавательская стезя стала уделом немногих. Здесь стоит упомянуть гебраиста и русиста Н.А. Переферковича (1871–1940). И, конечно, самого А.Э. Шмидта.

27

Дипломная работа Шмидта была посвящена персидской словесности: «О странствующих четверостишиях Хафиза и Омара Хайяма»². Александр Эдуардович мечтал остаться при университете «для приготовления к профессорскому званию». Однако наличия диплома с отличием было еще недостаточно для того, чтобы войти в когорту избранных. Вакансий при кафедрах было немного и решение о том, кого оставить, зависело от декана и ведущих профессоров на факультете.

¹ Письма В.Р. Розена к В.В. Бартольду // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 211. Л. 34.

² Личное дело А.Э. Шмидта (1935–1937) // ГАРФ. Ф. Р4737. Оп. 2. Д. 2313. Л. 2. Много лет спустя, уже в Ташкенте в 1921 г., Шмидт вновь обратился к изучению персидской поэзии и просил И.Ю. Крачковского прислать ему его выпускную работу (Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 86).

Уместно будет сказать, что востоковеды Петербурга в то время являли собой особую закрытую группу¹. Постороннему попасть туда было крайне сложно. К чужаку долго и внимательно присматривались, прежде чем допустить его в круг избранных. Барон Розен фактически создал систему, похожую по ряду внешних признаков на суфийское братство. Даже в наши дни сотрудники бывшего Азиатского музея – ныне Института восточных рукописей РАН – прослеживают свою преемственность через И.Ю. Крачковского от барона Розена – подобно тому, как суфийские шейхи возводят свою *силсилу* (духовную генеалогию) к основателю братства. Другим важным признаком «петербургского *махаба*», как окрестил школу Розена Н.П. Остроумов², было снисходительное отношение к изучению Востока в других регионах, в т.ч. в Москве³.

28

Петербургские востоковеды в буквальном смысле были одной семьей, что служило предметом иронии со стороны коллег с других факультетов: В.В. Бартольд и Н.Я. Марр были женаты на сестрах своего коллеги – ираниста В.А. Жуковского. В своих письмах к последнему, находившемуся на дипломатической работе в Иране, Виктор Романович неизменно

¹ Кузнецова Н.А. Востоковеды-лазаревцы на рубеже двух веков по их письмам // Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения (до 1917 года) / Отв. ред. Н.А. Халфин. – М., 1984. – С. 123–124.

² Самого В.Р. Розена Н.П. Остроумов называл главным *муджтахидом* (Материалы, посвященные изданию журнала «Мир ислама» // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 430. Л. 35).

³ Так, например, в 1920 г. один из учеников барона Розена – С.Ф. Ольденбург – писал в письме к М. Горькому: «Востоковедение существует у нас только в Петербурге, где, в частности, могут учить "по-европейски" представителей восточных народов» (Из переписки С.Ф. Ольденбурга с А.М. Горьким // Народы Азии и Африки. – 1987. – № 5. – С. 137).

сообщает о том, что происходит в жизни других членов «петербургского *мазхаба*»¹.

Подобная модель научной школы как семьи была, по-видимому, воспринята Розеном от его учителя – Генриха Флейшера (1801–1888), харизматичного «шейха» братства европейских ориенталистов, «для которого верность традициям лейпцигской школы, помимо области научного исследования, выражалась также в готовности ее представителей всячески приходить на помощь друг другу, жертвуя для этого своим временем и не заботясь о своем научном приоритете»².

Иными словами, счастлив был тот, кого принимали в лоно «семьи», и заслуживал сожаления тот, кому туда доступ был заказан. Впрочем, не всем на самом факультете нравилась такая ситуация. Молодой приват-доцент А.Н. Самойлович с возмущением писал в своих «Записных книжках» после беседы с семитологом И.И. Гинцбургом, которого некоторые аксакалы ФВЯ не хотели принимать в свои ряды: «Ведь все эти господа сами любят науку, сами всецело отдают себя на служение ей, а других к ней не подпускают или подпускают нехотя, не то чтобы завлекать. Неужели ревнуют?! Свежего, здорового воздуха побольше надо впустить в застоявшуюся атмосферу восточного факультета. Имеющиеся в нем живительные силы еще недостаточны, очевидно, для победы над застоением. Должны быть по крайней мере учителя и ученики, а не “генералы” и “ничто”»³.

¹ См., например: «Медников сидит в Липецке, лечит геморрой своей жены и читает Коран и арабские стихи» (Письма В.Р. Розена к В.А. Жуковскому // АВ ИВР РАН. Ф. 17. Оп. 2. Д. 47. Л. 282).

² Бартольд В.В. Игнац Гольдциер. 1850–1921. Некролог // Бартольд В.В. Сочинения в 9 т. Т. 9. – М., 1977. – С. 721. Розен слушал лекции Флейшера в Лейпциге в течение двух семестров в 1870 г.

³ Самойлович А.Н. Записные книжки за 1905–1906 // ОР РНБ. Ф. 671. Д. 78. Книжка 3. Л. 27об.–28.

Шмидт не был столь дерзок и требователен, как Самойлович, хотя и у него, конечно, были претензии к своим коллегам, – по крайней мере, к некоторым из них. Самому ему удалось вписаться в закрытую систему ФВЯ благодаря собственным заслугам и... небольшому везению. Дело в том, что вакансия на кафедре была всего одна. И барон Розен предполагал, что займет эту вакансию совершенно другой человек. Вот как об этом вспоминал сам Шмидт: «Не могу умолчать... об одной очень характерной для В.Р. подробности. Со свойственной ему прямоотой и откровенностью, не допускавшей никакой недоговоренности, В.Р., делая мне упомянутое предложение (остаться при факультете для подготовки к профессорскому званию. – Р.Б.), не преминул оговорить, что “собственно он собирался и предпочел бы” оставить при своей кафедре кончавшего в том году курс факультета очень талантливого студента (А.И. Щербатского¹), но что тот решил посвятить себя дипломатической карьере. В.Р. не скрыл от меня, что для него я был лишь вторым после этого студента, подходящим для кафедры кандидатом»².

Но Александр Шмидт был не из обидчивых. 24 апреля 1894 г. ему было официально предложено остаться с июня того же года при университете для приготовления к профессорскому званию. Срок «аспирантуры»³ для Шмидта составлял 2 года с назначением стипендии в 600 рублей в год. Это время отводилось на сбор материалов для диссертации и сдачу

¹ Щербатский Федор Ипполитович (1866–1942) – русский, советский востоковед. Один из основателей российской буддологической школы. Ввел в научный оборот значительное число памятников на санскрите и тибетском языке.

² *Шмидт А.Э. Памяти незабвенного учителя (В.Р. Розена) // Памяти академика В.Р. Розена. – М.; Л., 1947. – С. 13.*

³ Слово «аспирант» в современном значении лица, готовящегося к научной и педагогической деятельности, стало употребляться только с 1920-х гг.

магистерских экзаменов. Научные занятия Шмидта были прерваны призывом его на действительную военную службу. В 1894–1895 гг. в течение 10 месяцев Шмидт отбывал воинскую повинность в Лейб-гвардии Измайловском полку в качестве вольноопределяющегося. Злодей фельдфебель всячески третировал безответного Шмидта, не гнушаясь вымогать у него деньги. Пришлось обратиться к барону Розену, и тот одолжил ученику деньги на то, чтобы откупиться от злоупотреблявшего своим положением начальства¹.

В декабре 1896 г. Шмидт сдал экзамены на степень магистра². Оставалось только подготовить и защитить диссертацию. В 1897 г. при содействии В.Р. Розена срок «аспирантуры» Шмидта был продлен еще на год, для того чтобы Александр Эдуардович смог собрать дополнительные материалы для магистерской работы и прослушать лекции европейских профессоров по своей специальности.

Барон Розен всячески поощрял своих учеников после окончания 4-летнего курса обучения отправляться в Европу на учебу к ведущим ориенталистам того времени. Сам Виктор Романович два семестра слушал в Лейпциге лекции профессора Флейшера. Учеба в Лейпциге оказала решающее влияние на формирование Розена как педагога: «В.Р. оценил разницу между способом отечественного преподавания восточных языков, иногда ведущегося без всяких определенных правил и школьных традиций, и строгим методом, выработанным филологической наукой на Западе, и потому сделался убежденным сторонником западной школы и ее научных приемов. Испытав на себе плодотворность поездки за границу для усовершенствования в своем предмете, В.Р. настаивал, чтобы молодые люди,

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 217.

² Личное дело А.Э. Шмидта // ГАРФ. Ф. Р4737. Оп. 2. Д. 2313. Л. 2об.

намеревающиеся посвятить себя ученой деятельности в области востоковедения, непременно по окончании университетского курса пробыли бы некоторое время под руководством западных профессоров»¹.

В конце XIX в. российское востоковедение только вставало на ноги (во многом благодаря усилиям самого барона). В то же время в Европе наблюдался настоящий расцвет академического востоковедения в целом и исламоведения в частности. Центрами изучения ислама в Европе на рубеже двух столетий были такие страны, как Германия, Австро-Венгрия, Нидерланды. В университетах этих стран работали живые классики арабистики и исламоведения: Игнац Гольдциер, Йозеф фон Карабачек, Теодор Нёльдеке, Август Мюллер и др. Эти ученые хорошо знали В.Р. Розена и потому с готовностью оказывали поддержку его ученикам.

32

Так, например, другой ученик барона – В.В. Бартольд – в 1891–1892 гг. совершил поездку по странам Европы (Финляндии, Германии, Швейцарии, Италии, Австро-Венгрии). Он слушал лекции таких корифеев, как исламовед Август Мюллер (1848–1892) и арабист Теодор Нёльдеке (1836–1930). Правда, в отличие от Шмидта, получившего стипендию, Бартольд путешествовал «за свой кошт».

Примечательно, что некоторые «птенцы гнезда» Розена за всю свою жизнь так никогда и не выбрались на Ближний Восток. По свидетельству Н.И. Веселовского, «В.Р. не был на Востоке и не видел в этом необходимости для арабистов, так как древний арабский язык, язык Корана, не сохранился до нашего времени в неприкосновенности в живой речи, и удержался только в литературе; для подкрепления своего взгляда он обыкновенно приводил в пример Флейшера,

¹ *Веселовский Н.И.* Барон Виктор Романович Розен: Некролог. – СПб., 1908. – С. 7–8.

который не был на Востоке. В последнее время он колебался в этом своем убеждении и не только стал сознавать пользу поездки на мусульманский Восток, но и сам составлял для себя планы посещения некоторых стран его»¹.

Выбор места командировки определялся кругом научных интересов будущего профессора. Шмидт интересовался исламским мистицизмом и мусульманским законоведением². Поэтому Розен выбрал тех профессоров, которые могли дать Александру Эдуардовичу знания по этим дисциплинам.

Командировка в Европу

1 января 1897 г. официально начинается зарубежная командировка Шмидта. При содействии В.Р. Розена ему удалось получить стипендию: 1500 рублей³. Это была стандартная сумма, выделяемая министерством для научных командировок лиц, проявивших успехи в учебе и готовящих себя к научно-преподавательской работе. Размер стипендии практически не изменился с середины XIX столетия, когда практика командирования в Европу наиболее способных выпускников российских университетов приобрела широкое распространение благодаря инициативе министров А.С. Норова и А.В. Головнина. От молодых ученых ожидалось, что во время стажировки они приобретут необходимые дополнительные знания, а также соберут материалы для диссертаций. Некоторым стипендиатам во время ста-

¹ *Веселовский Н.И.* Барон Виктор Романович Розен: Некролог. – СПб., 1908. – С. 22.

² По словам самого Шмидта, идея специализироваться на исламоведении была ему подсказана самим В.Р. Розеном (Личное дело А.Э. Шмидта // ГАРФ. Ф. Р4737. Оп. 2. Д. 2313. Л. 2).

³ Об оставлении при университете А.Э. Шмидта // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 897. Л. 19.

жировки даже удавалось написать диссертацию, но это было скорее исключением из правил.

Стажировка Шмидта началась с Будапешта. Разместившись в гостинице, он отправился на квартиру к живому классику европейского востоковедения – Игнацу Гольдциеру (1850–1921). В кармане его пальто лежало письмо от барона Розена. По своим манерам Гольдциер, возможно, напомнил Шмидту Розена, – по крайней мере, Крачковскому показалось позднее, во время его встречи с венгерским ученым, что у того есть что-то общее «в обращении» с их петербургским «шейхом»¹.

Найти жилье в Будапеште оказалось непростым делом. По словам Шмидта, только благодаря содействию Гольдциера ему удалось заполучить комнату, которую он мог себе позволить².

Александр Эдуардович стал часто бывать у Гольдциера, который, подобно Розену, также любил проводить занятия у себя дома. Ученый охотно делился с молодым коллегой любыми сведениями, которые могли быть полезны для диссертации, посвященной анализу труда средневекового египетского ученого ‘Абд ал-Ваххаба аш-Ша‘рани «Книга рассыпанных жемчужин». Впоследствии Шмидт с теплотой вспоминал о тех временах: «...в семье Гольдциеров я в свое время встретил столь радушный, столь теплый прием, что чувствовал себя там совершенно, как среди родной семьи»³. Кроме занятий с профессором, Шмидт изучал рукописи, заказанные для него Венгерской академией наук из рукописных собраний Берлина и Готы.

¹ «У Гольдциера был, очень милый старик и страшно разговорчив. По обращению напоминает барона». (Крачковский И.Ю. Дневники (1914–1930) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 6. Л. 31 // цит. по: Долинина А.А. Невольник долга: [Биогр. И.Ю. Крачковского]. – СПб., 1994. – С. 131).

² Письма А.Э. Шмидта к В.Р. Розену (1895–1897) // СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 528. Л. 3.

³ Письма А.Э. Шмидта к В.В. Баргольду // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 260. Л. 30.

Учеба у Гольдциера продолжалась до конца мая. Шмидт готов был еще долго оставаться в Будапеште под крылом учителя, но строгий план стажировки, составленный еще в Петербурге Розеном, требовал отъезда. Много лет спустя Шмидт вспоминал прощальный ужин у Гольдциеров, когда профессор Игнац пел арабскую шуточную песню под аккомпанемент сына-скрипача¹.

Отчеты стажировавшихся за границей студентов представляли собой особый жанр научного сочинения. В середине XIX столетия вошло в обычай публиковать некоторые произведения этого рода в «Журнале Министерства народного просвещения»². О том, был ли Шмидтом подготовлен отчет о поездке в виде отдельного документа, нам неизвестно. Поэтому остается довольствоваться в качестве основного источника письмами Александра Эдуардовича к В.Р. Розену, написанными в 1897 г. и содержащими подробности его научных занятий в европейских странах.

В конце мая 1897 г. Шмидт отправился в Лейден. Здесь он занимался изучением «ценных, частично уникальных рукописных источников по исламоведению, мусульманскому праву и арабской лексикологии»³. По письмам Шмидта мы знаем, что он работал в Лейденской библиотеке с «Мавазин ал-касирина мин шуйух ва муридин» аш-Ша'рани, «Ал-фисал фи-л-милал ва-л-ахва' ва-н-нихал» Ибн Хазма, «Ал-фа'ик фи гариб ал-хадис» аз-Замахшари и другими книгами.

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 19.

² Например, отчет младшего коллеги Шмидта – И.Ю. Крачковского, командированного в 1908–1910 гг. в Сирию и Египет, был опубликован в журнале Министерства: *Крачковский И.В. [!]*. Восточный факультет Университета св. Иосифа в Бейруте: (Из отчета о командировке). – СПб., 1910.

³ Личное дело А.Э. Шмидта (1935–1937) // ГАРФ. Ф. Р4737. Оп. 2. Д. 2313. Л. 2об.

В Лейдене состоялось знакомство Шмидта с М.Я. де Гуэ (1836–1909), Г. ван Влотеном (1866–1903) и другими голландскими ориенталистами. Александр Эдуардович посещал лекции и «домашние семинарии» у М. де Гуэ. По мнению Н.А. Медникова и И.Ю. Крачковского, составивших Curriculum vitae Шмидта в мае 1917 г., «широкий размах построений Гольдциера уравновешивался влиянием преимущественно филологической школы голландского арабиста (т.е. де Гуэ. – Р.Б.)»¹. По замечанию тех же авторов, «личное общение с Де Гуэ, Хаутсмой, особенно с безвременно ушедшим Фан Флотеном, дало работам Шмидта отпечаток той строгой методичности... которой справедливо гордится Лейденская традиция арабистов»².

Здесь же, в Лейдене, Шмидт по просьбе В.Р. Розена готовит конспект двух своих пробных лекций. Согласно традиции, тема одной лекции предлагалась факультетом, а тему второй выбирал сам лектор. Первая называлась «Мусульманские религиозные предания как подробный источник для истории и истории духовной культуры мусульманского Востока», вторая – «История развития мусульманского права»³. Само название первой лекции указывает на влияние учителя Шмидта Игнаца Гольдциера, одного из авторов теории о подложности *хадисов*. В Лейдене Шмидт также подготовил к печати статью «Применение системы фикха в арабской грамматике» для сборника, посвященного барону

¹ Об оставлении при университете А.Э. Шмидта // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 897. Л. 118.

² Там же.

³ Личное дело А.Э. Шмидта (1935–1937) // ГАРФ. Ф. Р4737. Оп. 2. Д. 2313. Л. 3. Первая лекция Шмидта была прочитана 15 (28) января 1898 г. Вскоре он приступил к чтению курсов по арабскому языку, мусульманскому праву и Корану (Личное дело А.Э. Шмидта // ГАРФ. Ф. Р4737. Оп. 2. Д. 2313. Л. 3).

Розену¹. Эта работа стала первой научной публикацией молодого ученого. В ней Шмидт рассмотрел влияние методов науки мусульманского права на арабскую грамматику. При подготовке данной небольшой по объему работы (15 печатных страниц) Александр Эдуардович использовал рукописи из Лейдена, в т.ч. неизданное ранее сочинение ал-Анбари «Лум‘а ал-адилла фи усул ан-нахв». Благодаря Шмидту европейская наука смогла познакомиться с данным трудом².

В начале октября 1897 г. Шмидт переезжает в Вену. Здесь он слушал лекции по палеографии у австро-венгерского востоковеда Й. фон Карабачека (1845–1918): «У Карабачека, к несчастью, кроме меня будет еще 2 слушателя, притом, как, кажется, из начинающих. Но все же надеюсь, этот курс будет для меня не без пользы. Кроме того, я, с разрешения проф[ессора] К[арабачека], буду присутствовать при его занятиях (практич.) с молодым д-ром арабистом (прослушавшим курс палеографии) в коллекции арабских папирусов. Если увижу, что и сам могу принять более деятельное участие в чтении папирусов, попрошу разрешить и мне»³. Кроме посещения лекций Карабачека, Шмидт работает с рукописями в Императорской библиотеке.

В конце года появилась возможность продлить срок командировки с дополнительным финансированием. Предложение звучало заманчиво, но Шмидт уже настроился на возвращение домой и в декабре 1897 г. в соответствии с первоначальным планом вернулся в Петербург.

¹ Шмидт А. Применение системы фикха в арабской грамматике // Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции, 13 ноября 1872–1897. – СПб., 1897. – С. 309–324.

² Об оставлении при университете А.Э. Шмидта // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 897. Л. 118.

³ Письма А.Э. Шмидта к В.Р. Розену (1895–1897) // СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 528. Л. 38об.